

УДК 338.001.36

DOI: 10.34670/AR.2021.87.88.042

Состояние экономики Кыргызской Республики во время пандемии 2020–2021 гг.

Турдубаев Салыжан Кадырович

Доктор экономических наук,
директор филиала Российского государственного
социального университета в г. Ош,
714000, Киргизская Республика, Ош, ул. Карасуйская, 161;
e-mail: Turdubaev@mail.ru

Кенешбаева Зуура Маматовна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и менеджмента,
Филиал Российского государственного
социального университета в г. Ош,
714000, Киргизская Республика, Ош, ул. Карасуйская, 161;
e-mail: Turdubaev@mail.ru

Давыдов Илхом Уктамович

Кандидат экономических наук,
заведующей кафедрой экономики и менеджмента,
Филиал Российского государственного
социального университета в г. Ош,
714000, Киргизская Республика, Ош, ул. Карасуйская, 161
e-mail: Turdubaev@mail.ru:

Аннотация

В статье рассматривается состояние экономики Кыргызской Республики во время пандемии 2020 и 2021 гг. и проблемы восстановления экономической активности. Коронавирусный кризис и меры, принимаемые национальными правительствами для борьбы с пандемией, обусловили возникновение острой ситуации в сфере неплатежеспособности компаний. Оценки ситуации различаются, и тому есть масса причин: и продолжение пандемии, и введение локдауна, и принятие мер, сдерживающих вал банкротств. Выделены несколько вариантов (моделей) антикризисной политики, которые реализовывались в разных странах в 2020 г. Отмечается, что Кыргызстан с его своеобразием и достаточно малыми возможностями стоит отдельно по отношению к описанным этим моделям. Относительно небольшая доля субъектов малого и среднего предпринимательства позволяет обходиться ограниченными суммами на поддержку экономики, сосредоточившись преимущественно на социальной помощи семьям. Максимальные же значения государственного долга не предоставляют широкие возможности для привлечения финансовых ресурсов на эти цели.

Для цитирования в научных исследованиях

Турдубаев С.К., Кенешбаева З.М., Давыдов И.У. Состояние экономики Кыргызской Республики во время пандемии 2020–2021 гг. // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Том 11. № 11А. С. 358-368. DOI: 10.34670/AR.2021.87.88.042

Ключевые слова

Коронавирусный кризис, неопределенность, карантин (локдаун), коллективный иммунитет.

Введение

При анализе экономических событий 2020–2021 годов целесообразно все события рассматривать в совокупности, то есть учитывать каждый аспект человеческого развития, экономические противоречия общества и трансформационные процессы.

По мнению многих исследователей, наиболее точное понимание событий 2020 г. дает проведение аналогии с войной. В выступлениях лидеров многих стран нередко звучали сравнения пандемии с войной, и это всеми воспринималось как вполне адекватное описание стоящего перед человечеством вызова. Прежде всего, подобные сравнения отражали неопределенность и слабую предсказуемость действий нашего общего противника – вируса. Как и во время любой войны, перед национальными правительствами сразу встали следующие задачи: оказание противодействия необходимыми на начала «войны» средствами (медицина) первой надобности; разработка новых средств и медицинских препаратов, которую должна была обеспечить наука; лабораторное исследование вируса, поведения вируса и его мутаций.

Современное общество, как и во время любой войны, оказалось перед вынужденным выбором: удерживать экономику на прежнем уровне или спасти человеческие жизни, заботиться об инфраструктуре общества или о социальных институтах. То есть необходимо было сделать выбор между карантином (локдауном) и формированием «коллективного иммунитета». Все прекрасно понимали, что это выбор между сохранением жизней и экономическим благополучием. С другой стороны, необходимо было признать, что экономический крах опасен для физического выживания людей.

Основная часть

Перед руководством многих стран мира встал сложный выбор, необходимо было принимать очень непростые, непопулярные решения, прежде всего исходя из понимания ключевой ценности человеческой жизни и уровня консолидации общества, уровня лояльности граждан к национальным институтам управления.

Основными вопросами являлись следующие: в какой степени закрытие экономик поможет спасти здоровье людей и человеческие жизни и приведет ли это к деградации экономики страны с тяжелыми последствиями.

Каждое государство делало выбор индивидуально, и этот выбор во многом зависел от отношений общества и государства. Мы стали свидетелями того, что некоторые страны смогли себе позволить достаточно жесткие меры в стиле Южной Кореи, Китая или Сингапура. С другой стороны, такие страны, как Новая Зеландия и Австралия, в силу своих географических возможностей смогли практически закрыть страну. Некоторые государства, например Швеция,

воспользовались высоким уровнем общественного доверия и выбрали путь выработки коллективного иммунитета, ограничившись только рекомендательными мерами. Теперь нам известно, что из этого всего получилось.

Однако большинство государств, в том числе Кыргызстан, работали над поиском баланса между крайностями.

От этого пострадал почти весь бизнес. Уже в марте 2020 г., по сравнению с мартом 2019 г., темпы промышленных показателей Кыргызстана упали в среднем на 17,2%. Из них добыча полезных ископаемых – на 1,2%; обрабатывающие производства – на 13,1%; обеспечение электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом – на 31,5%; водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья – на 15,5% [Кыргызстан в цифрах, 2020]. Здесь хотелось бы отметить, что Кыргызстан намного легче пережил финансовые кризисы 1998 и 2008 гг., даже революции 2005 и 2010 гг. Хуже было только в первые годы независимости (1991–1994 гг.).

Почти во всех странах происходила структурная и организационная перестройка экономики с учетом эпидемиологических ограничений. Было наглядно видно два различных, но взаимосвязанных процесса: краткосрочные изменения, связанные с отражением атаки («перестройка экономики на военные рельсы»), и долгосрочные тренды.

К первым относилась необходимость быстрого налаживания организации производства необходимых средств для ведения битвы с вирусом: медицинских масок и перчаток, всех видов дезинфицирующих средств и всего, что связано с защитой людей: индивидуальной и коллективной. Одновременно происходила переориентация производственных процессов с учетом новых задач общественного разъединения и логистики поставок.

В то же время на наших глазах происходили тектонические структурные сдвиги, имеющие долгосрочные результаты. Особенно это было заметно в сфере услуг и в трудоемких отраслях экономики. Наиболее существенные и зримые сдвиги наблюдались в переоценке роли и места системы здравоохранения и образования, в громадном росте дистанционных форм и видов взаимодействия людей и организаций, в ужесточении внимания к пространственной и территориальной организации производства.

Таким образом, встал вопрос об устойчивости происходящих изменений, а также о том, какие из институциональных и организационных новаций являются временными и будут действовать короткое время, а какие – останутся надолго или даже навсегда.

Необходимо вспомнить, что во время военных катаклизмов XX в. происходило формирование новых институтов, которые неоднозначно воспринимались современниками. Одни оценивали их как сугубо временные, связанные исключительно с войной и предназначенные исчезнуть после ее завершения. Другие видели в них контуры будущего мирового общественного устройства, предпосылки которых формировались на протяжении достаточно длительного предшествующего времени, и полагали, что война лишь ускорила их утверждение.

В связи с этим уместна аналогия с ростом роли теории о государственном регулировании национальных экономик в годы Первой мировой войны. Тогда многие исследователи задавались вопросом, является ли это только феноменом военного времени, который закончится с наступлением мирного времени, или же формируются новые социально-экономические модели будущего.

Анализируя данные реальной экономики Кыргызской Республики, видим, что объемы товарооборота за январь–декабрь 2020 г. составили 5,6 млрд долларов, и это меньше

показателей предыдущего 2019 г. на 19%, а сокращение экспорта составило 1,9 млрд долларов, или 1,1%, импорта, в свою очередь, – на 3,6 млрд долларов, или 26,2%, и это для национальной экономики почти катастрофические результаты коронавирусной войны [Кыргызстан в цифрах, 2020].

Подробно разбирая нанесенный экономический урон, можно констатировать тот факт, что экспорт снизился в страны СНГ (на 12,3%) и ЕАЭС (на 14,9%). Но парадокс современной экономики Кыргызстана заключается в том, что в общем объеме вывезенных из страны товаров увеличилась доля чистого золота: если в 2019 г. на золото приходилось 41,9% экспорта Кыргызстана, то в 2020 г. эта цифра составила 51,2% [Экономика Кыргызстана: печальные итоги 2020 года и неутешительное начало 2021, www].

Также Управление макроэкономической политики Министерства экономики Кыргызстана поясняло, что внешнеторговый оборот в 2019 г. составил 6 млрд 975 млн сомов, и это на 3,6% ниже показателей 2018 г. По сравнению 2019 г., в 2020 г. объемы внешней торговли упали до 5 млрд 600 млн долларов, и это на 1,3 млрд сомов меньше. Для небольшой экономики Кыргызстана это довольно внушительная сумма. В основном снизился импорт, ведь основным торговым партнером Кыргызстана является Китайская Народная Республика, а границы с КНР были закрыты на протяжении длительного времени.

Кроме этого, негативным последствием мировой пандемии 2020 г. стало и сокращение реальных денежных переводов из-за границы, в первую очередь из Российской Федерации, от трудовых мигрантов. По данным Национального банка Кыргызстана, в 2020 г. граждане страны получили в общей сложности 2 млрд 377 млн долларов из-за рубежа, что по сравнению с 2019 г. меньше на 29 млн долларов [Кыргызстан в цифрах, 2020].

Как сообщил Нацстатком Кыргызстана относительно итогов экономического развития в 2020 г., объем ВВП составил 598 млрд сомов, что по сравнению с 2019 г. меньше на 8,6% [там же].

Пострадали почти все отрасли. Объем промышленной продукции снизился на 6,6%, строительства – на 15,9%, оптовой и розничной торговли – на 16,1%. При этом сельское хозяйство выросло на 1,1% [там же].

Без учета данных рудника Кумтор ВВП снизился еще больше – на 9%. Инфляция в 2020 г. достигла 9,7%. Больше всего подорожали продукты и безалкогольные напитки – на 17,6% [там же].

Таким образом, пандемия 2020–2021 гг. повлияла на общую структуру мировой экономики. Здесь стоит упомянуть о новых институтах, которые всегда возникают в процессе глобальных кризисов. Обратим внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, новые международные институты действительно порождаются не самим экзогенным для экономики катаклизмом, он лишь ускоряет принятие обществом новых международных институтов и их распространение в качестве правомочных. Их предпосылки возникают на протяжении достаточно продолжительного периода и являются результатом изменения технологической базы общества.

Во-вторых, значимо не только само обстоятельство возникновения нового института, но и модель его осуществления и уровень распространения, которые могут значительно отличаться в разных странах в связи с их историей и политической традицией. Так, резкий рост государственного регулирования (и доли государства в ВВП) произошел в середине XX в. во всех странах, однако качественно различался в рыночных и центрально-управляемых системах. Отказ от золотого стандарта имел разное проявление в организации советского и рыночного

денежного хозяйства. Иными словами, новые институты могут реализовываться по-разному и с разной степенью эффективности.

В-третьих, важно различать желательные и нежелательные тенденции, которые несут в себе новые институты. Далеко не все из них будут работать во благо общественного прогресса. Ситуация осложняется еще и тем, что оценка эффективности или неэффективности того или иного института может быть разной в зависимости от временных горизонтов (исторической перспективы): нередко то, что представляется эффективным для решения краткосрочных задач, может обернуться серьезными потерями в средне- и долгосрочной перспективе. Тем самым сама оценка эффективности данного института может меняться на протяжении времени.

Нетрудно увидеть, что изложенные принципы и ограничения в полной мере применимы к противостоянию с COVID-19 в 2020–2021 гг. Далее более подробно рассмотрим некоторые институциональные новации, возникающие на наших глазах и вызывающие противоречивые оценки, от «новой нормальности» до предвестников тяжелого кризиса и деградации.

Это относится и к современным макроэкономическим новациям (отрицательная процентная ставка или «современная денежная теория», отменяющая пределы бюджетных заимствований в национальной валюте), и к гипотезе о «долгосрочной стагнации», и к возврату к характерной для середины XX в. модели «большого государства», и к возможности тотальной цифровизации с перспективой появления «Большого брата», и к переходу образования и здравоохранения в онлайн-формат и т.п.

Для понимания реальности 2020 г. важно выделить в ней несколько специфических черт, влияющих на оценку ситуации и меры антикризисной и посткризисной экономической политики. Прежде всего, мы имеем в виду наличие трех типов противоречий экономической ситуации, которые и делают кризис уникальным.

Первое противоречие состоит в необходимости активного использования мер бюджетного и кредитно-денежного стимулирования при крайне ограниченной эффективности названных мер. Проблема заключается не только в рисках макроэкономической стабильности, которые связаны с применением мер бюджетного и кредитно-денежного стимулирования.

Финансовые вливания действительно могут смягчить болезненность шоков, но они также не смогут снять обстоятельства, порождающие эти шоки. Это тем более важно, что шоки, которым необходимо противодействовать, выходят за рамки социально-экономических проблем и соответствующего им инструментария. «Монетарные и бюджетные меры позволяют сгладить краткосрочные проблемы на финансовых рынках и в сильно пострадавших компаниях и домохозяйствах. Но они никак не связаны с главным приоритетом: сдержать и смягчить распространение болезни» [Roach, 2020, www].

Второе противоречие – между внешним шоком и структурными проблемами экономики. С одной стороны, как было отмечено выше, кризис 2020 г. не является ни структурным, ни циклическим. То есть основные проблемы фирм не связаны с их неэффективностью, и речь идет преимущественно о проблемах ликвидности, а не платежеспособности. Это подтверждается и отсутствием финансового кризиса, являющегося неотъемлемым признаком структурных кризисов. Поэтому правительства могут и должны оказывать поддержку экономическим агентам (всем юридическим и физическим лицам).

С другой стороны, никоим образом проигнорировать наследие глобального структурного кризиса 2008–2009 годов нельзя. Он остался незавершенным, от него как бы «откупились». В Кыргызстане на все это накладывается еще наследие «политических революций» 2005–2010 гг.

Что касается мировой экономики после кризиса 2008–2009 гг., благодаря эффективной и

скоординированной антикризисной политике ведущих стран удалось избежать худшего по параметрам спада и занятости сценария: от структурных реформ удалось «откупиться» массированными финансовыми вливаниями фискальных и денежных властей. За сохранение социально-политической стабильности было заплачено отказом от «созидательного разрушения» [Шумпетер, Мари Эспри Леон Вальрас, 2000], беспрецедентным наращиванием государственного долга и балансов центральных банков, нетрадиционной макроэкономикой (предельно низкими или отрицательными процентными ставками), а также устойчиво низкими темпами экономического роста. Это означает, что, несмотря на внешний характер шока, проблема структурных реформ остается на повестке и должна учитываться уже на этапе восстановительного роста. Оказываемая со стороны государства помощь не должна торпедировать структурную модернизацию, что особенно важно для современной экономики страны.

Кроме того, макроэкономические последствия структурного кризиса 2008–2009 гг. оказывают влияние на границы противодействия текущему кризису – возможности денежных вливаний в экономику являются ограниченными.

Третье противоречие связано с конъюнктурой рынка, то есть с шоками спроса и предложения. Ведь противодействие им требует, по сути, противоположных мер. В ситуации шока спроса допустимо широкое использование денежного стимулирования («вертолетных денег»), что является важнейшим уроком, усвоенным в результате изучения опыта Великой депрессии 1930-х гг. В ситуации шока предложения, как показывает опыт структурного кризиса 1970-х гг., денежные вливания становятся опасными, поскольку ведут к стагфляции – проблеме не менее сложной, чем дефляция. Кризис 2020 г. начался как кризис предложения, и это радикально отличало его и от Великой депрессии 1930-х гг., и от Великой рецессии 2008–2009 гг. Предприятия промышленности и торговли останавливались не из-за своей неэффективности, не из-за краха финансово-банковской системы, а из-за закрытия границ и локдаунов. Физическое ограничение производства товаров и услуг нельзя компенсировать деньгами, поскольку в этом случае за ростом номинальной денежной массы последует инфляция, а затем и стагфляция. Именно поэтому сравнение кризиса 2020 г. с Великой депрессией было бы уместно с количественной точки зрения, но не по сути экономических проблем. «Никогда со времен 1930-х годов развитые и развивающиеся экономики не сталкивались с ситуацией сочетания разрывов в международной торговле, снижения мировых цен на товары при одновременном спаде экономики. Действительно, причины нынешнего шока и ответные меры должны быть существенно иными. Ведь меры локдауна и дистанцирования обеспечивают спасение жизней людей ценой огромных экономических потерь». Большие риски несут с собой и нацеленные на противодействие кризису шока меры макроэкономического стимулирования.

Практически все развитые и ведущие развивающиеся страны были готовы вкладывать значительные средства в локализацию социально-экономических последствий кризиса. По существующим оценкам, уже к середине апреля 2020 г. в мире были объявлены стимулирующие меры в общей сложности в объеме около 11 трлн долл. Средства в основном предназначались для решения трех групп задач: поддержка граждан (в том числе прямыми выплатами домашним хозяйствам и мораторием на обслуживание долгов), сохранение рабочих мест и помощь бизнесу, особенно малому и среднему.

Можно выделить несколько вариантов (моделей) антикризисной политики, которые реализовывались в разных странах в 2020 г. В значительной мере они зависят от структуры экономики (в том числе от доли частного сектора и особенно малого предпринимательства),

финансовых возможностей государства, эффективности институтов денежной политики, а также, что особенно важно, от политических предпочтений и модели экономико-политического развития той или иной страны. С учетом названных факторов и с понятной долей условности можно выделить три типа ответов на вызовы пандемии: рыночно-либеральный, рыночно-регулируемый (социал-демократический), а также присущий современным развивающимся рынкам. Естественно, они имеют различные кратко- и среднесрочные последствия для благосостояния людей и экономического развития стран.

Страны с регулируемым рынком энергично помогают людям и бизнесам, т.е. защищают рабочие места и текущую экономическую активность. Однако тем самым сдерживается рост экономической эффективности, что в среднесрочной перспективе скажется в более низких темпах экономического роста. К таковым относится большинство европейских стран с устойчивой социально-экономической традицией, а также Южная Корея. Однако было бы неверно видеть в этой политике фискальный популизм. Напротив, сама возможность проведения подобной политики основана на здоровой экономике страны, включая жесткий контроль над бюджетными расходами, и качественной институциональной среде. Поскольку здесь, как правило, малый и средний бизнес занимают ведущее (если не доминирующее) положение, поддержка людей, занятости и бизнеса в значительной мере совпадают. Однако риск такой политики состоит в том, что избыточная помощь компаниям может в среднесрочной перспективе (выходя за временные рамки текущих шоков) вести к их стагнации и торможению структурной модернизации.

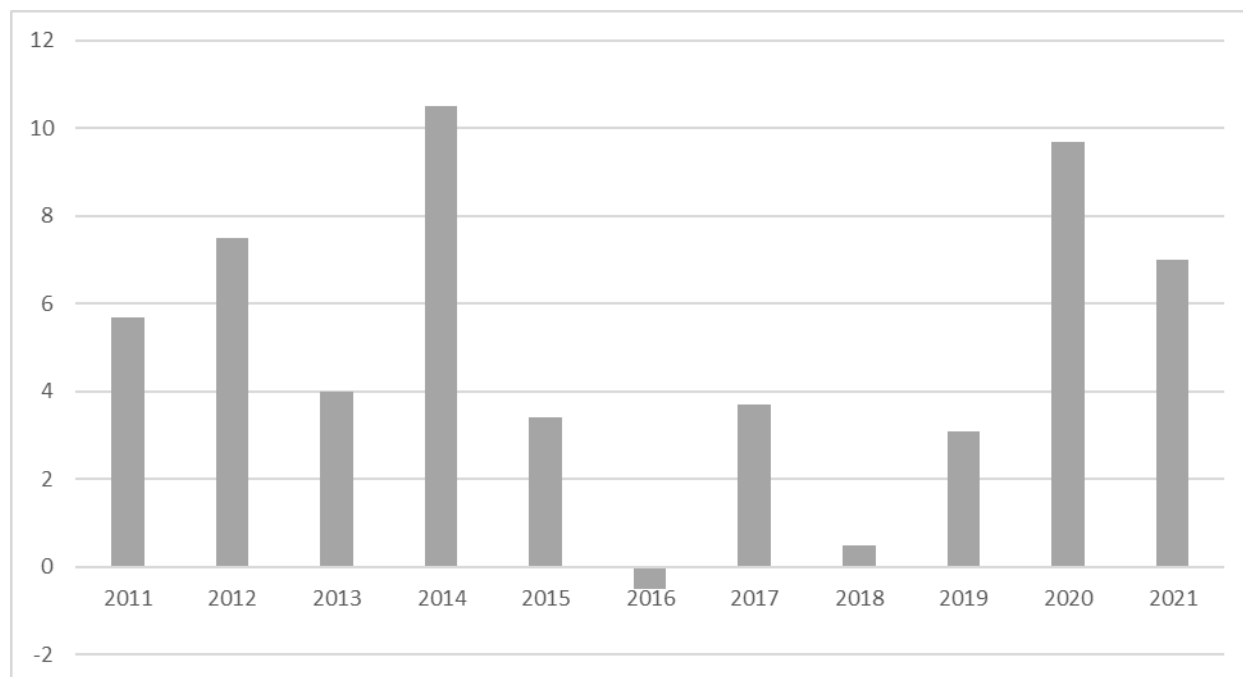
Страны, ориентированные в большей степени на ценности свободного рынка, сталкиваются с повышенными текущими рисками, но у них остается больше возможностей для структурного маневра в среднесрочной перспективе. Здесь помощь государства сосредотачивается не на бизнесе (включая работников), а на людях (домохозяйствах). Иными словами, в рыночных экономиках социальные расходы являются доминирующими в мерах антикризисной политики, достигая в некоторых случаях 15% ВВП. И это понятно, если принять во внимание, что в таких экономиках значимую роль играют крупные корпорации, которые в прямой поддержке, как правило, не нуждаются. «Страны с либеральной рыночной экономикой сталкиваются с более серьезными краткосрочными рисками по сравнению со странами с регулируемыми рынками, однако у них есть больше гибкости для обеспечения динамики в долгосрочной перспективе» [Перспективы развития мировой экономики – Восстановление набирает темпы, но остается неровным, 2021].

Затронутые пандемией страны с развивающейся экономикой чаще всего сталкиваются с проблемой значительного неформального (теневого) сектора, который играет важную роль в обеспечении социально-экономической динамики и политической стабильности, но который в силу его характера очень трудно сделать объектом государственной поддержки. Еще одной особенностью ситуации является ограниченность финансовых ресурсов, которые государство может привлечь с рынка на приемлемых условиях (с учетом инфляционной и кредитной истории этих стран).

Кыргызстан с его своеобразием и достаточно малыми возможностями стоит отдельно по отношению к описанным трем моделям. Относительно небольшая доля субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) позволяет обходиться ограниченными суммами на поддержку экономики, сосредоточившись преимущественно на социальной помощи семьям. А максимальные значения государственного долга не дают широких возможностей для привлечения финансовых ресурсов на эти цели.

«ВВП делится на номинальный и реальный. Реальный ВВП, помимо денежного выражения, учитывает рост цен – инфляцию. Рост номинального ВВП и падение реального означает только то, что в стране очень высокий рост цен. Это и так все видят», – объясняет экономист А. Акенеев [Экономика Кыргызстана падает даже относительно худшего год, [www](#)].

В Кыргызстане самая высокая инфляция среди стран ЕАЭС, которая с начала года составила 7%. Больше всего подорожали продукты питания – на 9,8%. Рост цен на продовольствие стал головной болью кабинета, которому не оставалось ничего другого, как вводить запрет на экспорт скота, отменять налоги на импортные продукты и даже напрямую закупать их у крупных зарубежных производителей для нужд населения.

Источник: Нацстатком Кыргызской Республики *2021 – по итогам 7 месяцев

Рисуно 1 - Инфляция в Кыргызстане

Власти страны таким образом искусственно удерживают инфляцию, иначе она могла достичь и более высоких цифр, говорит экономист Э. Абдразаков. «Рост цен происходит, так сказать, в щадящем режиме, чтобы не допустить еще большего падения доверия населения к властям. Мы же все видим, в каких условиях живут люди», – отмечает он [Экономика Кыргызстана: печальные итоги 2020 года и неутешительное начало 2021, [www](#)].

Рост объемов валового выпуска сельскохозяйственной продукции по сравнению с соответствующим периодом 2020 г. в основном обусловлен увеличением производства продукции животноводства на 1,5%. С 8 июля 2021 г. Кыргызская Республика сняла запрет на экспорт домашнего крупного и мелкого рогатого скота, при этом введен мораторий на вывоз сена, комбикорма, кукурузы и ячменя [Социально-экономическое развитие регионов Кыргызской Республики, 2021].

Снижение объемов промышленного производства обусловлено в основном сокращением объемов производства основных металлов и готовых металлических изделий на 36,6% в связи с уменьшением производства на месторождении Кумтор согласно производственному плану. При

этом объем производства без предприятий по разработке месторождения «Кумтор» увеличился на 15,9%. Впервые за последние 12 месяцев, с июня 2021 г. объем добычи полезных ископаемых вышел в положительную динамику и увеличился на 2,1% [там же].

Снижение объемов инвестиций в основной капитал по сравнению с январем – июнем 2020 г. на 11,8% отмечено как за счет внутренних (на 3,6%), так и за счет внешних (на 37,3%) источников финансирования. Сокращение объемов инвестиций в основной капитал отмечено на строительстве объектов всех видов экономической деятельности, за исключением сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства, обеспечения (снабжения) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом, государственного управления и обороны, образования, здравоохранения, а также жилищного строительства [Кыргызстан в цифрах, 2020].

Согласно отчету «Обновление Обзора развития Азии (ADO) 2021», ежегодной главной экономической публикации Азиатского банка развития (АБР), рост экономики Кыргызстана прогнозируется на уровне 3,5% в 2021 г. и 5% – в 2022 г., что соответствует первоначальным прогнозам, сделанным ранее в этом году [АБР прогнозирует восстановление экономики Кыргызстана во второй половине 2021 года, [www](http://www.abr.org)].

Инфляция цен на продовольствие остается высокой, так как цепочки поставок восстанавливаются медленно и продолжается пассивное влияние снижения курса валюты на 20% по отношению к доллару США в 2020 г. [Кыргызстан в цифрах, 2020]. Учитывая постоянный и быстрый рост цен на продовольствие, АБР прогнозирует ускорение инфляции до 10% в 2021 г., а затем замедление до 7% в 2022 г. [Социально-экономическое развитие регионов Кыргызской Республики, 2021].

В первом квартале 2021 г. дефицит счета текущих операций составил 4,6% от валового внутреннего продукта. Экспорт сократился на 9,5%, в основном за счет снижения экспорта золота и других металлов. Рост импорта машин и оборудования, одежды и сахара увеличил общий объем импорта на 40,2%, чему способствовали денежные переводы, которые были на 41% выше, чем за тот же период 2020 г. [Социально-экономическое развитие регионов Кыргызской Республики, 2021].

Заключение

Таким образом, пандемия 2020–2021 гг. повлияла на общую структуру мировой экономики. Современное общество, как и во время любой войны, оказалось перед вынужденным выбором: удерживать экономику на прежнем уровне или спасать человеческие жизни, заботиться об инфраструктуре общества или о социальных институтах. Большинство государств, в том числе Кыргызстан, работали над поиском баланса между крайностями. Наиболее существенные и зримые сдвиги наблюдались в переоценке роли и места системы здравоохранения и образования, в громадном росте дистанционных форм и видов взаимодействия людей и организаций, в ужесточении внимания к пространственной и территориальной организации производства.

Библиография

1. АБР прогнозирует восстановление экономики Кыргызстана во второй половине 2021 года. URL: <https://rus.azattyk.org/a/abr-ekonomika-kyrgyzstana-vosstanovitsya-vo-vtoroy-polovine-2021-goda/31474074.html>.
2. Кыргызстан в цифрах // Статистический сборник. Бишкек, 2020.
3. Перспективы развития мировой экономики — Восстановление набирает темпы, но остается неровным (Вашингтон, апрель 2014 год). Международный валютный фонд, 2021.

4. Социально-экономическое развитие регионов Кыргызской Республики // Нацстатком КР. Бишкек, 2021.
5. Шумпетер Й., Мари Эспри Леон Вальрас. Элементы чистой политической экономии, или теория общественного богатства. М.: Университетская библиотека Экономика, 2000.
6. Экономика Кыргызстана падает даже относительно худшего год. URL: <https://rus.azattyk.org/a/31441544.html>.
7. Экономика Кыргызстана: печальные итоги 2020 года и неутешительное начало 2021. URL: <https://rus.azattyk.org/a/31105171.html>.
8. Roach S. The False Crisis Comparison // Project Syndicate. 19 March 2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid-19-crisis-nothing-like-2008-by-stephen-s-roach-2020-03>.

The state of the economy of the Kyrgyz Republic during the pandemic in 2020–2021

Salyzhan K. Turdubaev

Doctor of Economics,
Director of the Branch of the Russian State Social University in Osh,
714000, 161 Karasuiskaya str., Osh, Kyrgyz Republic;
e-mail: Turdubaev@mail.ru

Zuura M. Keneshbaeva

PhD in Economics,
Associate Professor at the Department of economics and management,
Branch of the Russian State Social University in Osh,
714000, 161 Karasuiskaya str., Osh, Kyrgyz Republic;
e-mail: Turdubaev@mail.ru

Ilkhom U. Davydov

PhD in Economics,
Head of the Department of economics and management,
Branch of the Russian State Social University in Osh,
714000, 161 Karasuiskaya str., Osh, Kyrgyz Republic;
e-mail: Turdubaev@mail.ru

Abstract

The article examines the state of the economy of the Kyrgyz Republic during the pandemic in 2020 and 2021 and the challenges of economic recovery. The coronavirus crisis and the measures taken by national governments to combat the pandemic have created an acute insolvency situation. Assessments of the situation differ, and there are many reasons for this: the continuation of the pandemic, and the introduction of a lockdown, and the adoption of measures to curb the wave of bankruptcies. Several options (models) of anti-crisis policy are highlighted, which were implemented in different countries in 2020. The authors say that modern society, as in any war, is faced with a forced choice: to keep the economy at the same level or human lives and their health, the infrastructure of society or social institutions. It is noted that Kyrgyzstan, with its originality and rather small opportunities, stands separately in relation to the described models. A relatively small

share of small and medium-sized businesses allows to get by with limited amounts to support the economy, focusing mainly on social assistance to families. The maximum values of public debt do not provide ample opportunities for attracting financial resources for these purposes.

For citation

Turdubaev S.K., Keneshbaeva Z.M., Davydov I.U. (2021) Sostoyanie ekonomiki Kyrgyzskoi Respubliki vo vremya pandemii 2020-2021 gg. [The state of the economy of the Kyrgyz Republic during the pandemic in 2020–2021]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 11 (11A), pp. 358-368. DOI: 10.34670/AR.2021.87.88.042

Keywords

Coronavirus crisis, uncertainty, quarantine (lockdown), herd immunity.

References

1. *ABR prognoziruet vosstanovlenie ekonomiki Kyrgyzstana vo vtoroi polovine 2021 goda* [ABR predicts economic recovery in Kyrgyzstan in the second half of 2021]. Available at: <https://rus.azattyk.org/a/abr-ekonomika-kyrgyzstana-vosstanovitsya-vo-vtoroy-polovine-2021-goda/31474074.html> [Accessed 16/10/2021].
2. *Ekonomika Kyrgyzstana padaet dazhe otnositel'nogo khudshego god* [The economy of Kyrgyzstan is falling for even the worst relative year]. Available at: <https://rus.azattyk.org/a/31441544.html> [Accessed 26/10/2021].
3. *Ekonomika Kyrgyzstana: pechal'nye itogi 2020 goda i neuteshitel'noe nachalo 2021* [Economy of Kyrgyzstan: sad results of 2020 and disappointing beginning of 2021]. Available at: <https://rus.azattyk.org/a/31105171.html> [Accessed 13/10/2021].
4. Kyrgyzstan v tsifrakh [Kyrgyzstan in figures] (2020). *Statisticheskii sbornik* [Statistical collection]. Bishkek.
5. *Perspektivy razvitiya mirovoi ekonomiki — Vosstanovlenie nabiraet tempy, no ostaetsya nerovnym (Vashington, april' 2014 god)* [Global Economic Outlook - Recovery is gaining momentum, but remains uneven (Washington, April 2014)] (2021). International Monetary Fund.
6. Roach S. (2020) The False Crisis Comparison. *Project Syndicate*. March, 19th. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid-19-crisis-nothing-like-2008-by-stephen-s-roach-2020-03> [Accessed 16/10/2021].
7. Shumpeter I., Mari Espri Leon Val'ras (2000) *Elementy chistoi politicheskoi ekonomii, ili teoriya obshchestvennogo bogatstva* [Elements of pure political economy, or the theory of social wealth]. Moscow: Universitetskaya biblioteka Ekonomika Publ.
8. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regionov Kyrgyzskoi Respubliki* [Socio-economic development of the regions of the Kyrgyz Republic] (2021). *Natsstatkom KR* [National Statistics Committee of the Kyrgyz Republic]. Bishkek.